

Аркадий Вайнер: «Мне в жизни во всем везло»

Беседовала Ирина Васильчикова

В детстве одна из наших излюбленных игр называлась «В Шарапова» — такая вольная трактовка фильма «Место встречи изменить нельзя». Мне неизменно доставалась именно роль Шарапова, любимого героя, из-за которого я и смотрела фильм. Знала ли я тогда, что судьба сведет меня с одним из авторов этой истории...

— Аркадий Александрович, вас в основном знают как писателя, кинодраматурга. Проще писать в соавторстве или одному?

— На этот вопрос нет однозначного ответа. Но я, основываясь на своем жизненном опыте, все-таки склоняюсь к содружеству, которое у нас есть, было и, надеюсь, будет продолжаться. Мы изначально, с первого произведения с моим младшим и горячо любимым братом Георгием писали в соавторстве.

Конечно, соавторство порождает определенные сложности, проблемы. Но так ли это плохо? Может, то, что проще, менее интересно. При всей нашей схожести мы росли, воспитывались вместе, мы люди одной идеологии, одних взглядов на мир — мы два абсолютно разных человека. Тем более нас разделяет семь лет. Конечно, при обсуждении такого тонкого предмета, как проза, у нас возникает масса разногласий и противоречий.

Но, с другой стороны, вместе нести бремя легче. Непосредственно создание произведения в стадии его написания сильно облегчает работу. Потом — взаимная редакция. Это сильно облегчает процесс.

— Что вам дало писательство?

— Если говорить о наблюдательности, так необходимая писателю, это качество у меня осталось от прежней профессии. Я был следователем по особо важным делам. Я обязан был быть наблюдательным. Старался ничего не пропускать. Занятия литературой позволяют абстрагироваться от многих вещей, не всматриваться в них с чисто прагматической точки зрения, а обдумывать проблему более многосторонне, глубже. Но ведь занимаясь творчеством, надо что-то творить, а не брать что-то готовое, что, кстати говоря, широко практикуется в литературе испокон веков. А сегодня, в условиях свободного книгопечатания, это особо заметно. Очень многие сегодня выбирают, что попроще, читателю надо все подать в разжеванном виде. Но существует громадная категория читателей, которые, к счастью, выбирают иное.

— Литература влияет на общество?

— Это взаимодействующий процесс. Остается лишь выразить мнение, а не определить. Экспертиза здесь в любом случае будет сомнительна. Конечно, это взаимное влияние. Общество влияет на мировоззрение человека, развитие его способностей. В свою очередь писатель, если он талантлив, способен влиять на развитие общества. В скобках замечу с сожалением, что влияет в ту и другую сторону. Для этого не обязательно касаться каких-то политических тем. Он может быть беллетристом. Но создаваемые им произведения, оставаясь в интеллект-

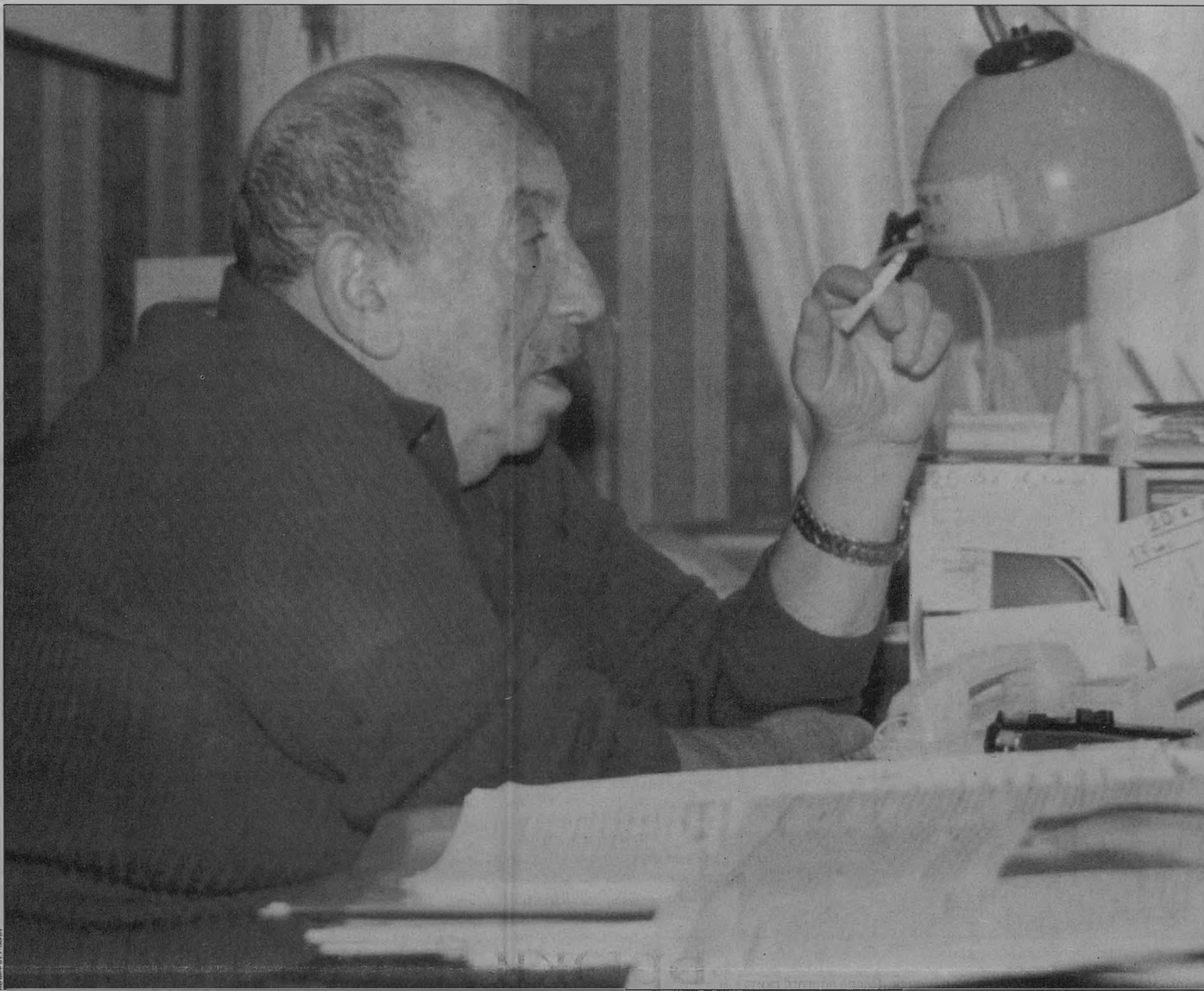
туальной и, главное, эмоциональной сфере, в известной степени определяют мысли и поступки читателей, а следовательно, и общества. Особенно, если писатель востребован, талантлив, если его очень многие читают, он влияет на общество просто по определению. Взять, к примеру, Бориса Акунина. Совершенно невозможно отрицать, что он влияет на общество. Хотя большинство его сюжетов — это история России, ее прошлое. Но познание истории для любого грамотного человека — это развитие, становление его личности. Можно сказать, что литература — это наука жизни.

— Сейчас выходит не так уж много хорошей литературы. В чем, на ваш взгляд, причина: мажорные коллеги не дают пробиться новичкам, вина издателей или хорошего по определению не может быть много?

— Начнем с конца. Хорошего по определению не может быть много. Природа очень экономна в этом отношении. Хорошее, яркое относится к числу редчайших элементов и попадает, увы, не слишком часто. Я не думаю, что общество «заелось», если бы имело громадное количество хорошего в самых разных сферах.

Что касается того, что мало хороших писателей, я затрудняюсь комментировать этот вопрос. Как знать, сколько среди нас ходит непознанных, непризнанных Пушкиных, Достоевских, Толстых? Ситуация такая, что очень многие не в состоянии пробиться. Эта ситуация была всегда. Это не является отличительной чертой именно нашего времени. Литература — достаточно необычная сфера деятельности. Для того чтобы быть известным, кроме таланта надо иметь бойцовские качества. Талантов, гениев, я думаю, в разные исторические эпохи, если это только не голдовые годы, рождается одинаково. Не всякая эпоха в состоянии хоть какую-то часть талантов выделить. Что мы имеем сегодня, я затрудняюсь сказать.

Печатается сегодня, во времена коммерческого книжного рынка, то, что, по мнению издателей, найдется. Когда-то наши издатели считали своим долгом печатать те произведения, которые с точки зрения коммерции были слабо продаваемыми, но высокоталантливыми, произведения, ориентированные на элитарного читателя. Это создавало издательству достаточно высокое реноме. Такая практика, кстати, существует на Западе. Сейчас, по моему, никто из известных мне российских издателей на это не претендует. Может, исключения составляют какие-то государственные издательства, которые владели жалкое существование. Коммерческие издательства, обратив-

внимание, ориентируются не на объективные факты, которые очень трудно установить, а на свое собственное мнение. Они сами решают, какое произведение может иметь рыночный успех. По их мнению, детективы, любовь, секс, мистика — сегодня король книжного рынка. А интеллектуальный уровень издателей и экспертов при издателях не достаточно высок, чтобы подсказать, что в текущее попадают прекрасные талантливые произведения. Думаю, что очень многие из них пропадают, просто уничтожаются временем, будучи не востребованными. Конечно, книжек написано миллиарды, но лишняя тысяча хороших книг никому бы не повредила. Только помогла.

Почему сегодня так популярны детективы?

— Детективы популярны всегда. Это характерная особенность устройства человеческой личности. Человека влечет все таинственное. Детектив — это, в сущности, произведение о той или иной тайне. Если копнуть вопрос поглубже, то любое хорошее произведение, достаточно объемное, обязательно содержит в себе тайну. Если оно не содержит в себе ничего непознанного, таинственного, оно читателю просто неинтересно. Любопытность человека, его имманентное свойство, влечет эту тайну раскрыть.

Детектив, кстати говоря, — это обязательно криминал. Это может быть и любовная тайна, и происхождение, нахождение каких-то вещей. Был у нас замечательный писатель Ираклий Андроников, который посвятил большую часть своей жизни детективному жанру, но вообще не в том виде, как это принято понимать. Он искал рукописей, искал авторов этих рукописей, искал персонажей. Из его расследований рождались просто шедевры. Он создал уникальный жанр — детектив без криминала. Сейчас это понимают гораздо более просто. Как правило, это убийство или похищение каких-то невероятных драгоценностей. Видимо, человеческой натуре

свойственен интерес к криминальному детективу. Как правило, человек, если он не сверхчувствительный, не может пройти мимо аварии, тем более какой-то криминальной разборки, когда мелькают ножи или раздаются выстрелы. Очень многие, десятки людей, не боятся этих выстрелов, стараются сунуть свой нос и посмотреть лично, что же там происходит. И на потребу этому свойству очень многие грамотные люди бросились в детективы. Пишут в большом количестве. Причем раньше такого количества женщин-писательниц не было. Это, я думаю, свидетельство эмансипации, повышения культурного уровня женщин и их стремление эту культуру должным образом обозначить. Не хочу и не буду характеризовать их творчество. Оно, кстати говоря, неравноценно. Разные литераторы и мужского и женского пола пишут по-разному. Я сам с удовольствием смотрю детективы. Завтра я не вспомню, о чем фильм. Но сегодня это меня зацепило. Я не отношусь к гонителям какого-либо жанра, кроме порнографии. Детективы сегодня издаются на потребу издателей, нашего книжного рынка, а не читателей. Для издателя чем примитивнее, проще, тем лучше, тем больше это издают.

— В основу ваших произведений в большинстве случаев легла следовательская работа. Отзывы из-за колючей провокации приходили?

— Работая следователем, я состоял в бурной переписке со своими, если можно так сказать, клиентами. Я до сих пор храню эти письма и не исключаю, что когда-нибудь их издам в качестве приложения к своим мемуарам, когда я их напишу. Это очень интересно. Есть письма от рассказавшихся преступников, а есть от упертых. Я ни к кому не относился предвзято, старался всегда соблюдать справедливость.

Потом был другой этап бурной переписки, когда я уже стал литератором. Мне писали очень многие, и заключенные, и освободившиеся. Были просто отзывы о книгах, в основном положи-

тельные. А были и целые литературоведческие исследования по поводу той или иной книги, а иногда и обзорно. Все это у меня в архивах хранится. Может, когда-то я буду писать не очередную книгу, а займусь мемуаристикой. Пока злостные дела отвлекают.

— В одном из интервью вы признались, что со многими подследственными сохранили хорошие отношения. Как вам это удалось?

— Я честно делал свое дело. Ни один из них не может меня упрекнуть в несправедливом поступке. Больше того, если я видел в человеке добрый залог, я старался всячески ему идти навстречу, чтобы облегчить его процессуальное положение, его положение на суде, чтобы он получил срок поменьше, наказание помягче. Мне это часто удавалось. Следовательно, передавая дело в суд, пишу обвинительное заключение. От того, как он характеризует обвиняемого, происходит личная оценка человека. Если написано, что он преступление совершил, но по ходу следствия выяснено, что у него было трудное детство, что он находился в абсолютно неблагоприятной обстановке, будучи человеком с мягким характером, поддавался чуждому влиянию, а сейчас он глубоко раскаялся, помогал следствию раскрыть преступление до конца и тому подобное, ясно, что суд ему на «пятьку» меньше даст. Они это очень ценили, а мне доставляло удовольствие проявлять такую объективность и справедливость. Приятно делать хорошее. Это в натуре большинства людей.

— Вы родились 13 января. Цифра «13» для вас счастливая?

— Абсолютно счастливая. У меня за городом дом №13. Масса счастливых событий со мной происходила 13-го числа. Не будем говорить о том, что это старый Новый год. Хотите вы того или нет, у людей всеобщий праздник по поводу моего дня рождения. Я очень широко и часто этим пользовался, собирая друзей в Доме литераторов, в ЦДРИ, в Доме журналиста, поскольку моя площадь этого

не позволяла. Это всегда были замечательные праздники. Махмуд Эсамбаев говорил: «Ты сделал мне одолжение, потому что я в этот день чувствую себя неуютно, будто на халаяву собираюсь дважды встретить Новый год. А тут такой повод, как твой день рождения».

— Вы азартный человек?

— Умеренно. Конечно, я могу зажечься. Но я себя контролирую. Мне доводилось несколько раз в жизни попадать в казино, в котором я, между прочим, всегда выигрывал. Думаю, это потому, что я несколько умерял свой азарт во время игры. Во-вторых, я прекращал игру на каком-то достаточно скромном достижении. В карты я играю спокойно. Очень азартно я играю в шахматы. Но мои партнеры обычно этого не замечают, если это партнеры уровня Гарри Каспарова или Тайманова, а я и с ними играю. Они мои добрые друзья. Наверное, мой азарт они расшифровывают по тем ходам, которые я делаю. Я не меняюсь в лице, в какой бы острой ситуации я ни находился. И в футбол я также играл, и в хоккей. Нет, я не азартный человек, скорее расчетливый.

— А в любви вам везло?

— Мне вообще в жизни во всем везло, тфу-тфу, чтобы не сглазить! В любви мне тоже везло. Меня любила моя жена, удивительная женщина. Она профессор, заслуженный врач России. Главное — она замечательный, любимым людьми доктор. Она спасает от верной смерти тысячи людей. Она онколог. Меня всегда любил женщины. Я человек любвеобильный. Я очень люблю женщин. И они, наверное, это чувствуют, и многие из них мне с удовольствием отвечают.

— Чем вы покорили тогда еще будущую жену?

— Она говорит, что своими песнями, голосом. К тому же я тогда еще играл на аккордеоне. Когда мы познакомились, я играл достаточно часто. Была пара вечеринок, где я сам себе аккомпанировал и пел. Я и сейчас, если в форме, хорошо пою. А песен знал

просто миллиард, всех жанров — от молдавских блатных до церковных песнопений. Знал различные народные песни и с удовольствием пел. Если уж ты запоминаешь какую-то народную песню, то очень хорошую.

В студенческие годы я даже зарабатывал этим — ходил на богатые свадьбы за деньгами, хорошую еду и вкусную выпивку. Не говоря о том, что после свадьбы удавалось кого-нибудь из подружек невесты сманить с собой.

— Вы строгий отец?

— Да. Я очень строгий и очень любящий отец. Моя строгость никогда не носила изуверского характера, а всегда была направлена на благо моей дочери. Например, она до сих пор на меня злится, что я ее почти до восьмого класса не пускал в школу одну, а обязательно в сопровождении. Никак она не поймет, что я боялся за нее. Надо было перейти транспортную развязку из семи разных направлений. Я либо сам ее провожал, либо мама, либо соседка, но Наташа была очень этим недовольна. Я старался, чтобы она хорошо училась. Я хотел, чтобы она учила английский язык, что потом определило ее дальнейшую жизнь. Я хотел, чтобы она играла на фортепиано. Она проучилась год. Потом спрашивал: «Будешь заниматься?» — «Я не знаю, как хочешь». — «Раз не знаешь, значит, не хочешь».

— Чем Наталья занимается сейчас?

— Во-первых, она еще ничем не смещенный председатель совета директоров всемирного телевизионного нравственно-правового канала «Дарьял-ТВ». Во-вторых, у нее своя косметическая линия. Она очень нравится этим заниматься. У нее это получается. Сейчас она имеет интереснейшее предложение от «системы Сакса» — «Пятое авеню» — верх того, что в этой области может быть. Она делает для них косметические наборы. Она раньше писала замечательную прозу. Потом телевизионная деятельность ее сильно отвлекла, но она мне поклялась, что, когда это увлечение пройдет, она снова вернется к писа-

тельству. Она очень талантлива, я говорю это не как отец. Сейчас у нее появилось новое увлечение. Что из этого выйдет, я понятия не имею. С присущей ей серьезностью она учится профессионально петь. Вроде получается. Очень может быть, что мы услышим ее со сцены. Еще она должна сниматься в кино, в Голливуде. Возможно, это будет сценарий, который мы с ней вместе напишем. Она будет сниматься в одной из главных ролей. Приглашение уже получено. Продюсер есть. Уже начали собирать для этого проекта деньги.

— Как вы стали генпродюсером «Дарьял-ТВ»?

— Я изначально не брал на себя деловую часть работы такой сложной хозяйственно-экономической структуры, как телеканал. Я брался только за креатив. Затем случился дефолт. Мы остались без денег. Мне пришлось наряду с художественной деятельностью стать экономистом, финансистом, бизнесменом, чтобы добывать тот минимум, при котором канал еще существует.

Будучи юристом, я закон никогда не преступал. Я придумывал самые различные способы добывать каналу деньги. Это продолжалось до того момента, пока мы не вступили в злостную сделку со шведами. Лучшие бы мы обанкротились, чем испытывать тот позор, который мы сегодня испытываем. Из нравственно-правового канала мы превратились в кинобудку, слив всяких пошлых, грязных идей, того, что неизбежно порождает ответную волну в обществе. Когда человек видит, как безнаказанно убивают и убегают, это откладывается в сознании, особенно у молодого человека. Плюс пошлейший юмор, пошлейшее шоу. Сексуальный маньяк ведет шоу, где исследуются всевозможные отклонения, какие-то невозможные сочетания. Называются вслух гениальности, действия, движения, все это обсуждается с довольно ясным переводом. Если представить, что это смотрит нормальный молодой человек или девушка, это его растлевает. Растленный молодой человек — это потенциальный преступник или пособник преступления. В дальнейших программах обещан еще и стриптиз. Это крушение платформы канала. Что будет дальше, зависит от властей, придерживающихся. Меня поддерживают депутатский состав Госдумы, самая широкая общественность. Мое обращение в Госдуму подписали представители литературы, искусства, начиная с Фазылы Искандера и заканчивая Эдвардом Радзинским, то есть вся творческая элита. Чем все кончится — неизвестно. В наше время надо всем вливать деньги. Если их удастся победить, это будет событием неслыханного общественно-политического значения.

— Эра милосердия — утопия?

— Это как вопрос о коммунизме. Если говорить о коммунизме как о системе общества и общественно-политических отношений — это просто рай на земле. История показывает, что это невозможно. Бюрократ, что и Эра милосердия, как она представлена в нашей книге, тоже утопия. Но к ней надо всячески стремиться. Большинство населения составляют хорошие люди. О многих этого при первом знакомстве не скажешь, но не более чем защитная скорлупа от жестокости современного мира. Если бы это было не так, наш мир давно бы погиб, он бы самоуничтожился. Здесь действует принцип самосохранения человечества. Эра милосердия — идеал. Люди должны стремиться к тому, чтобы быть честными, справедливыми, жить так, чтобы приносить добро не только себе, но и другим. Все это, накапливаясь в обществе, приведет к тому, что общество станет гораздо более человечным и теплым, удобным для жизни людей. А космические катастрофы, в которых якобы погибнет человечество, — это, наверное, с точки зрения законов Мироздания возможно. Но я надеюсь, что пройдут еще миллиарды лет, прежде чем это случится. А за это время люди придумают, как спастись от космического апокалипсиса.

Слова

Сергей Литвинов, писатель:

— Аркадий Александрович — безусловно, классик детективного жанра. Фильм «Место встречи изменить нельзя» и книга «Эра Милосердия», послужившая основой сценария — культовые вещи. Фильм получил успех во многом благодаря умной, красивой сценарной основе.

Я прочитал роман «Визит к Минотавру», еще будучи школьником. Он стал для меня открытием. Это лучший детектив всех времен. Аня, моя сестра и соавтор, очень любит фильм «Место встречи изменить нельзя» и роман «Эра Милосердия».

К Аркадию Александровичу Вайнеру мы относимся с исключительным почтением.